

Н. А. Жерлицына

Французско-османское соперничество в Магрибе с 1830 по 1848 г. по российским и турецким архивным материалам

Введение

Противоборство мировых держав на оспариваемых геополитических окраинах является актуальной темой, в том числе и в исторических исследованиях. Османская империя начала расширять сферу влияния на южный берег Средиземного моря с начала 1500-х гг. в контексте противостояния с европейскими христианскими державами — Священной Римской империей и Испанией. В 1516 г. османы вошли в Алжир, в 1551 г. обосновались в Триполи и в 1574 г. в Тунисе. Нужно отметить, что появление османов не воспринималось в Северной Африке как чужеземное порабощение, так как данный регион был давно исламизирован (в VII–VIII вв.), а османский султан считался халифом (главой) мусульман. Кроме того, османское правление оставляло местным властям большую долю самостоятельности из-за огромной удаленности региона, сложностей коммуникаций и логистики. Магрибинские провинции, которые назывались регентствами, изначально управлялись губернаторами, назначаемыми Константинополем из янычар, прибывших из метрополии. Позже в Тунисе и Триполи образовались местные правящие династии, ведущие происхождение от этих турецких воинов. Хотя в регентствах и считали своих правителей «принцами» с титулами деев и беев, для Высокой Порты они по-прежнему были простыми губернаторами провинций,

чья легитимность зависела от благосклонности османского султана. С изменением международного баланса сил в XVIII в. и выхода в Средиземноморье новых сильных акторов в лице Франции и Великобритании начали происходить перемены и в отношениях регентств и османского центра.

Источниками для данной статьи послужили материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) из фондов «Турецкий стол» и «Посольство в Константинополе»; опубликованные турецкие сборники документов османского периода, содержащие документы по отношениям Высокой Порты и магрибинских провинций Османской империи (на турецком языке); а также французские «Тунисские анналы...», где собраны документы по французо-тунисским отношениям исследуемого периода (на французском языке).

Для данной статьи полезными оказались российские и западные работы, посвященные исследованию борьбы европейских держав, как военными, так и дипломатическими средствами, в XVIII–XIX в., в рамках Восточного вопроса¹. Османская империя всегда привлекала внимание мировой науки с точки зрения своей богатой истории, опыта взаимодействия с многонациональным населением, в том числе арабским, критериев управления далекими провинциями, к числу которых относились и страны Магриба². Статьи Е. С. Гюркана и Н. Лафи поднимают неоднозначные вопросы взаимоотношений османского центра и провинций в Северной Африке³. Библиография стран Магриба отличается непрерывностью традиции изучения региона, многочисленностью и разнообразием тем. Это объясняется углубленным вниманием соперничавших европейских держав, в первую очередь Франции и Великобритании, к региону Магриба на протяжении всего времени существования Восточного вопроса⁴.

Если духовный аспект верховной власти Османской империи над магрибинскими провинциями в отношении халифата не вызывал сомнений, то политическая ситуация изменилась в сторону большей самостоятельности Алжира, Туниса и Триполи. Регентства заключали международные договоры, вели собственную внешнюю политику, на их территории присутствовали консулы почти всех европейских держав. Самыми влиятельными были дипломатические представители Франции и Великобритании. И их влияние росло в течение всего XIX в., по мере увеличения колониальных амбиций европейских стран и постепенного снижения субъектности стран Магриба вследствие политической и экономической слабости.

Изменение геополитической ситуации в регионе

Французская оккупация Алжира в июле 1830 г. стала событием, изменившим баланс сил в Северной Африке. Взятие Алжира «произвело настоящую сенсацию и стало причиной глубочайшей озабоченности всех мусульман»⁵.

Конечно, Османская империя и до этого теряла территории вследствие внутреннего кризиса и новых международных реалий. Так, только в 1829 г. закончилось греческое восстание и Высокой Порте пришлось смириться с выходом греков из империи. Но греки были христианами, а население Алжира являлось мусульманским. О важности данного аспекта свидетельствует донесение российского посла в Константинополе Е. П. Новикова (1880–1882), хотя и написанное несколькими десятилетиями позже, но предельно точно описывающее отношение Высокой Порты: «Особое значение для Султана имеет тот факт, что жители регентства являются мусульманами, и он в своем качестве Халифа правоверных скорее склонен уступить иностранной державе греков в Фессалии, чем мусульман в Африке»⁶. Командующий флотом Османской империи Халил Рифат-паша в донесении, написанном сразу после захвата Алжира, предупреждал правительство, что «если Франция останется в Алжире, она не ограничится этим, но и под разными предложениями вторгнется в Тунис и Триполи и захватит их»⁷.

Греческое восстание было одной из причин, почему Константинополь не смог послать войска для защиты Алжира от французского вторжения. Помимо этого восстания, Османская империя в то время разрешала несколько серьезных кризисов, требовавших вооруженного вмешательства: в 1828–1829 гг. шла русско-турецкая война, в 1831–1833 гг. случился конфликт с египетским наместником Мухаммедом Али. Не имея свободных войск и будучи связанными долговыми обязательствами с европейскими странами, османы ничего не смогли сделать для освобождения Алжира. Но «османские Султаны так и не признали французское господство в Алжире»⁸. Даже спустя пятьдесят лет в Константинополе считали Алжир своей провинцией.

Произошедшее заставило Высокую Порту относиться к магрибинским провинциям с повышенным вниманием, впредь не доверяя ни европейцам, ни даже собственным губернаторам. Лишь через несколько лет после урегулирования крупных международных кризисов Высокая Порта смогла заняться наведением порядка в магрибинских провинциях. Важнейшим шагом Османской империи для укрепления своих позиций в Северной Африке стало низложение местной династии Караманлы в Триполи и восстановление прямого правления в провинции в 1835 г. К этому трудному шагу османов вынудила слабость семьи Караманлы, погрязшей в династическом противостоянии, неоднократно принимавшем характер гражданской войны⁹. Противостоящие кланы Караманлы в своей борьбе за власть полагались на европейских консулов в Триполи, которые использовали конфликт для укрепления здесь позиций Франции и Великобритании. Угроза потери еще одной мусульманской провинции считалась неприемлемой для Высокой Порты, и правительство разработало план военной операции по свержению Караманлы. Начиная с 1835 г. и до 1912 г. провинцией Триполи управляли губернаторы, присылаемые из Константинополя. Причем эти губернаторы менялись центром очень часто, практически каждые

два года, чтобы у чиновников не возникло соблазна создать свою собственную новую местную династию или клан. Константинополь взвалил на себя новые огромные денежные расходы по содержанию армии и лояльных чиновников в Триполи. Провинция требовала много вложений, не принося имперской казне дохода. Но это был сознательный выбор Высокой Порты, позволявший сохранять целостность империи.

Султан Махмуд вестернизировал свою армию и централизовал свою империю. Установление Османской империей прямого правления в Триполи породило опасения, что аналогичная операция может быть предпринята против Туниса. Крайнее беспокойство выражал как правящий бей Туниса из династии Хусейнидов, так и Франция, которая контролировала соседний Алжир. Франция заявила, что не допустит никаких изменений статус-кво в регионе. Париж предлагал свои услуги, чтобы «сохранить династию, правящую Тунисом, ее наследственный титул, все ее права, полученные от предков, и ее независимость»¹⁰. Для этого Франция открыто препятствовала перемещениям османского флота к берегам Северной Африки, ссылаясь на безопасность восточных границ Алжира в качестве оправдания.

Регентство Тунис в борьбе империй

Тунис в 1830-х гг. представлял собой довольно благополучное государство, благодаря небольшой территории, гомогенному населению и разумной политике династии Хусейнидов. Беи Туниса видели своей задачей сохранение текущего статус-кво: держаться на дистанции от великих держав, включая и своего сюзерена Османскую империю¹¹. Премьер-министр Туниса М. Хазнадар писал: «В течение последних пятидесяти лет не было у тунисского правительства более важной политической цели, чем желание получить независимость и заставить всех ее признать»¹². Удерживать независимость Тунису помогало балансирование между интересами сильных акторов в регионе. Поэтому, когда в 1835 г., после захвата османами Триполи, в Тунисе стали распространяться слухи и предположение, что флот, отправленный в Триполи, затем направится в Тунис, бей и его окружение пришли в большое волнение. Слухи гласили, что вместе с флотом придет османский чиновник, чтобы сместить бея. Бей приказал подготовить войска на случай прибытия флота в Тунис, отремонтировать форты в гавани и распределить по ним всю имеющуюся артиллерию, намереваясь сразиться с османским флотом при попытке свержения¹³. К счастью, слухи оказались ложными. Чтобы смягчить последствия от этих приготовлений, о которых в Константинополе, конечно, знали, бей Туниса повелел направить в столицу Османской империи премьер-министра Туниса с целью вручить султану подарки, среди которых — 12 прекрасных лошадей с богатой упряжью¹⁴.

Опасения по поводу свержения династии и постановки Туниса под прямое правление Константинополя стали постоянным источником напряженности

в османо-французских отношениях в последующие годы. Так, в августе 1836 г. лондонская газета «Монинг Кроникл» сообщила, якобы на основании информации своего корреспондента в Константинополе, что османский адмирал с флотом намеревается отправиться в Триполи с целью последующего захвата Туниса. Тунисский бей обратился за защитой к Франции, которая немедленно устроила морскую демонстрацию у берегов Туниса, направив туда несколько военных кораблей. 10 июля 1836 г. французские корабли — а эта эскадра состояла из 4 линкоров, 2 корветов и одного брига — под командованием адмирала Юго сначала посетили Тунис, а затем Триполи. Адмирал Юго покинул Триполи только после получения от османских сановников полных гарантий того, что Высокая Порта не предпримет никаких военных операций, способных изменить баланс сил в регионе¹⁵.

Как правило, этот и последующие демарши Франции, помимо морской демонстрации, включали визит посла Франции в Османской империи к султану, чтобы донести позицию своей страны. Она заключалась в следующем: любое военное вмешательство Османской империи в Тунис будет истолковано как враждебные действия против Франции. В январе 1836 г. французский посол в Константинополе заявил Порте, «что любые ее шаги, направленные на установление ее доминирования в Тунисе, натолкнутся на сопротивление с нашей стороны»¹⁶. Понимая, что нападение на Тунис с целью защиты суверенных прав Высокой Порты встретит сопротивление со стороны Франции, султан не мог по политическим, экономическим и военным соображениям бросить вызов этой великой державе. Но поведение тунисской династии, несомненно, раздражало султана: Высокая Порта не могла согласиться на то, чтобы посредником между османами и их подданными тунисцами выступали «неверные» французы. Между тем дипломаты сообщали из Туниса: «Влияние, которое Франция приобретает в Тунисе, заставляет внимательно следить за проникновением сюда французских агентов. Такими средствами французы скоро подчинят себе все провинции, которые еще не захвачены ими при помощи оружия»¹⁷.

Правительство Османской империи прорабатывало различные варианты развития событий, не исключая и такой, при котором в отношении Туниса придется поступить так же, как ранее с Триполи. «Если Аллаху будет угодно и возникнет необходимость в наведении порядка и дисциплины в Тунисе силами Высокой Порты, а также в передаче управления и контроля одному из подчиненных султаната с назначением губернатора, то немедленное осуществление необходимой процедуры будет обеспечено путем отправки императорского флота непосредственно из Константинополя в Тунис»¹⁸. Эти рассуждения свидетельствуют о том, что в 1836 г. у османской государственной элиты не было определенного плана захвата Туниса. Однако Высокая Порта считала, что, если возникнет необходимость установить там прямое управление, это должно было быть сделано очень быстро, чтобы османский флот опередил французский и первым достиг берегов Туниса.

Из ситуации 1836 г. Высокая Порта сделала выводы и поэтому, когда в 1837 г. командующий флотом Османской империи должен был отправиться в плавание с целью инспекции различных османских территорий, были приняты предупредительные меры, чтобы избежать обострения напряженности с Францией. Решено было отделить от флота фрегат и отправить его в Тунис с отдельным офицером для встречи с беом Туниса. Весь же остальной флот должен в это время стоять в Триполи. После встречи с беом Туниса этот османский офицер должен был воссоединиться со своим руководством в Триполи и сделать доклад командующему флотом о положении в Тунисе. А командующий, основываясь на предоставленной информации, должен будет решить, отправится ли он лично в регентство. Кроме того, в июле 1837 г. Министерство иностранных дел Османской империи направило французскому посольству конфиденциальное письмо, в котором содержались разъяснения о миссии флота¹⁹. Этот сложный план призван был смягчить опасения как Франции, так и бея Туниса.

Однако даже такие предосторожности не смогли погасить французскую ревность в отношении Туниса. Когда корабли османской миссии во главе с командующим флотом адмиралом Ахмедом Февзи-пашой еще находились близ своей территории между портом Чешме и островом Хиос, они заметили три французских корабля. После обмена необходимыми приветствиями между двумя флотами состоялась встреча османского адмирала с командующим французскими кораблями, контр-адмиралом Галлуа. В ходе разговора о маршрутах и обязанностях двух флотов Ахмед Февзи-паша еще раз подтвердил, что османский флот в Тунис не пойдет, а необходимые сведения будут получены путем переписки. Видя, что за османским флотом следят, адмирал решил не заходить в тунисские воды, чтобы избежать кризиса с Францией. Как оказалось, французы уже приняли решение отправить свой флот из Тулона и в настоящее время в порту Туниса уже находились три баржи, бриг и пароход.

Преследование французским флотом османского создало напряженную ситуацию между двумя державами. Вопрос обсуждался во время встречи Талата-эфенди, временного поверенного в делах Османского государства в Париже, с королем Франции. Луи-Филипп объяснил случившееся недопониманием из-за плохого перевода и попросил передать извинения как султану, так и командующему флотом. Талат-эфенди дипломатично ответил, что не может представить себе ситуацию, когда его государство изменит свою политику и будет относиться к Франции с враждебностью, если только Франция сама не будет вести себя враждебно²⁰.

В октябре 1837 г. в Тунисе к власти пришел Ахмед-бей, наследуя своему покойному отцу. Смена власти означала необходимость получить официальное признание от султана, без которого новый бей не мог считаться легитимным. Османская империя воспользовалась этим моментом, чтобы потребовать от Ахмед-бея лояльности. Смена бея предоставила османам необходимую возможность для визита в Тунис на высоком уровне, которого Высокая Порта дав-

но желала. Миссия была поручена сановнику Осман-паше²¹. В апреле 1838 г. он прибыл в Тунис, где был принят в Бардо, резиденции тунисских беев. Там прошла торжественная церемония, во время которой посланник наделил Ахмед-бея официальными знаками власти и вручил подарки от имени султана. После церемонии Осман-паша встретился с Ахмед-беем лично, чтобы отметить, что Высокая Порта ожидает от бея Туниса лояльности и преданности. Османский посланник напомнил, что в Тунисе находятся от 10 до 15 тыс. турецких солдат, как регулярных, так и нерегулярных. Эти солдаты будут оставаться здесь, чтобы предотвратить любое возможное применение силы со стороны Франции. В отчете, который Осман-паша написал после возвращения в Константинополь, он отметил, что новый бей настроен на «сохранение прежнего союза с Францией, чтобы использовать Францию в качестве щита против османов, а османов — против Франции, избегая любых потенциальных проблем, которые могли возникнуть с обеих сторон»²². То есть Ахмед-бей продемонстрировал намерение продолжать традиционную для его семьи политику лавирования, что ощутимо нервировало Константинополь.

В последующие годы Османская империя придерживалась в отношении с Ахмед-беем политики скорее пряника, чем кнута. Был сделан целый ряд шагов, чтобы привлечь бея к сотрудничеству. Так, 9 августа 1840 г. ему был пожалован чин маршала²³. Ахмед-бей стал первым представителем династии Хусейнидов, получившим такое отличие.

Очередное обострение ситуации имело место летом 1845 г. Прибывший в Тунис из Триполи французский корвет «Лавуазюр» принес известие об увеличении военного контингента в этой османской провинции. Речь шла о 3–4 тыс. турецких солдат. Французский консул сразу же после этого известия направился к Ахмед-бею и посоветовал ему немедленно отправить 4 тыс. солдат на о. Джербу как важный пункт, лежащий на морском пути от Триполи к Тунису. Для перевозки этих солдат было нанято девять кораблей. Еще два военных корабля перевозили тридцать четыре пушки и четыреста артиллеристов. Ахмед-бей также отправил войска к крепостям вдоль сухопутной границы с Триполи²⁴. Позже выяснилось, что весь этот переполох возник из-за прибытия в Триполи албанских войск, которых османы намеревались использовать в самой этой провинции для подавления потенциальных восстаний местных племен.

Этот эпизод красноречиво свидетельствует о преднамеренном характере французской политики в тунисском вопросе, об использовании Францией провокаций и запугивания для достижения своей цели — поставить бея Туниса в полную зависимость от себя и настроить его враждебно к Высокой Порте. Эти действия можно рассматривать как первые шаги по подготовке к захвату Туниса.

Осенью того же года Ахмед-бей с целью поддержания баланса в отношениях с державами сделал шаг навстречу Высокой Порте. Он направил

в Константинополь туниССкого военачальника капитана Мехмеда с подарками. Османь оценили любезность и, в свою очередь, султан направил Ахмед-бею указ, провозглашавший его губернаторство до конца его жизни, а также освобождавший Тунис от уплаты ежегодного налога²⁵. Несомненно, если бы туниССко-османским отношениям не мешали французские провокации, две страны нашли бы общий язык.

Когда летом 1846 г. опять началась волна слухов об османской интервенции в Тунис, они достигли даже Лондона. Ввиду противоречивости информации британское правительство решило принять меры для выяснения истинного положения дел. Губернатору Мальты было приказано выбрать одно или двух должностных лиц и отправить их в Триполи для расследования. В сентябре 1846 г. два британских капитана, Тайди и Ролло, прибыли в Триполи. Они вместе с консулом Великобритании были приняты губернатором Триполи Мехмедом Эмином-пашой. Он заверил англичан, что слухи об интервенции не имеют под собой никакой основы: он не получал никаких приказов от Высокой Порты, а находящийся под его командованием военных сил едва хватает для поддержания порядка в самой провинции Триполи. Еще более прямой ответ гласил, что «эти сообщения и заявления исходят от французов, поскольку они намерены разместить флот в Тунисе»²⁶.

Действительно, первоисточником слухов оказался французский генеральный консул в Триполи Бланше, который еще в мае 1846 г. отправил во французское посольство в Константинополе депешу, в которой сообщал о некоторых военных приготовлениях в провинции. Он «предположил», что османь намерены спровоцировать в Тунисе народные волнения, свергнуть Ахмед-бея и на его место поставить более лояльную фигуру. Вот этот воображаемый разговор и привлек всеобщее внимание летом 1846 г.

На следующий год ситуация повторилась: рутинная ротация военного контингента в Триполи всполошила французов. Они потребовали от губернатора Провинции Рагиба-паши объяснений военной активности и угрожали отправкой флота в Тунис. Несмотря на попытки успокоить французов, их опасения сохранялись и они продолжали напряженно следить за происходящим в Триполи. Французский броненосец «Грегуа» прибыл в Триполи 30 июля 1847 г., чтобы наблюдать за передвижениями османских войск²⁷. Таким образом, Франция использовала любую, даже самую незначительную возможность для усиления своего присутствия в регионе.

Такой политики Франция придерживалась вплоть до революции в феврале 1848 г., отвлекшей на некоторое время внимание властей этой страны на внутренние проблемы. Когда давление на бея Туниса со стороны Франции ослабло, его отношения с Высокой Портой стали понемногу налаживаться. Османское правительство продолжало придерживаться политики мягкого привлечения бея Туниса к более тесному партнерству. Для этого использовались все возможности. Так, в 1849 г. в Константинополь прибыла туниССкая пра-

вительственная делегация, которую принял сам великий визир (премьер-министр) Мустафа Решид-паша. Он попытался через приближенных убедить Ахмед-бея посетить Константинополь и «укрепить узы верности». Великий визир заметил, что, хотя Ахмед-бей и держался ранее в стороне от метрополии, но щедрость и справедливость ныне правящего султана, т. е. Абдул-Меджида, устранили былое недоверие и страх среди его подданных. Мустафа Решид-паша также заверил тунисскую делегацию, что «политика централизации, проводившаяся в эпоху Махмуда II в провинциях, ныне отброшена, и что Ахмед-бею бояться нечего»²⁸. Приближенным тунисского бея было предложено «устранить препятствия между нами и начать прямой диалог». Великий визир убеждал тунисцев, что безопасность, которой искал Ахмед-бей, заключалась не в том, чтобы держаться подальше от Константинополя, а в сближении и укреплении родственных связей между двумя странами. А сохранение нынешней дистанции между ними как раз грозит опасностью вмешательства в дела Туниса третьих стран. Истинной причиной «заботы» представителей бывшего короля Франции Луи-Филиппа о Тунисе было стремление отделить регентство от империи, а потом и завоевать его. Визир заметил, что, хотя Франция в то время была занята собственными делами, и пока неизвестно, сохранятся ли намерения короля в новом республиканском правительстве, будущее остается неизвестным. Возможность вторжения другого государства в Тунис вполне реальна, если он не будет под защитой метрополии.

Османская мягкая политика дала свои плоды, и в 1850-х гг. отношения между османским имперским центром и провинцией Тунис стабилизировались. Когда в 1853 г. началась Крымская война и Османская империя традиционно возвала к своим провинциям с призывом о помощи, Ахмед-бей откликнулся. Тунис принял участие в боевых действиях, отправив к театру военных действий своих солдат и вооружения. По тунисским источникам, в крымской кампании приняло участие до 14 тыс. тунисских солдат, включая экипажи семи тунисских кораблей, осуществлявших переброску войск²⁹. То есть бей выполнил долг исламской солидарности, еще раз продемонстрировав лояльность османскому султану.

Заключение

Таким образом, османский Магриб с 1830 г., когда Франция оккупировала Алжир, стал регионом, в котором разворачивалась конкурентная борьба империй. Франция стремилась к еще большим колониальным захватам, а Османская империя пыталась отстоять свои провинции. Именно как попытку централизации империи следует рассматривать возвращение прямого османского правления в регентстве Триполи в 1835 г. В 1840-х гг. началось противостояние Франции и Османской империи в Тунисе, осуществлявшееся мирными средствами. Если Франция использовала такие методы, как провокации

и запугивание властей Туниса, то османы полагались на «мягкую силу» исламских уз и поощрения бея Туниса.

Анализ исторических документов свидетельствует, что у Османской империи не было плана начать военные действия в Тунисе, вопреки распространяемым Францией слухам. С 1830-х до конца 1840-х гг. Франция внимательно следила за каждым развертыванием османского флота в Средиземном море и за каждым всплеском военной активности в Триполи, иногда угрожая Османской империи, а иногда активно контролируя ее, отправляя военно-морские силы. Политика запугивания и обструкции, проводимая Францией в этот период, стала одной из важных вех на пути к оккупации ею региона в 1881 г.

- ¹ *Таньшица Н. П.* Средиземноморская политика Июльской монархии // Французский ежегодник. 2017. С. 162–187; *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.: Л., 1965. 435 с.; *Дулина Н. А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX века). М., 1980. 196 с.; *Zwierlein C.* Imperial Unknowns. The French and British in the Mediterranean, 1650–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; *Russian-Ottoman borderlands: the Eastern question reconsidered* / Ed. by L. J. Frary, M. Kozelsky. Madison: The University of Wisconsin Press, 2016.
- ² *Aksan V. H.* Ottoman Wars, 1700–1870. An Empire Besieged. New York: Routledge, 2014; *Karpat K.* Studies on Ottoman Social and Political History. Leiden: Brill, 2002.
- ³ *Gürkan E. S.* The centre and the frontier: Ottoman cooperation with the North African corsairs in the sixteenth century // *Turkish Historical Review*. 2010. № 1. P. 125–163; *Lafi N.* L'Empire ottoman en Afrique: perspectives d'histoire critique // *Cahiers d'histoire Revue d'histoire critique*. 2015. № 128. P. 59–70.
- ⁴ *Bdira M.* Relations internationales et sousdevelopment. La Tunisie 1857–1864. Uppsala, 1978; *Ling D.* Tunisia from Protectorate to Republic. London, 1967; *Blili L.* La Régence de Tunis, 1535–1666: Genèse d'une province Ottomane au Maghreb. Cairo; New York, 2021; *İlter A. S.* Şimâlî Afrika'da Türkler. İstanbul, 1937; *Moala A.* The Regency of Tunis and the Ottoman Porte, 1777–1814. New York: Routledge, 2005.
- ⁵ *Bdira M.* Relations internationales et sousdevelopment. La Tunisie 1857–1864. P. 31.
- ⁶ Донесение посла России при Османской Порте Новикова Е. П. в МИД России. 1/12 апреля 1881 г. Фр. яз. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502а. 1881. Д. 2883. Л. 9–12.
- ⁷ *Osmanli Belgelerinde Cezayir* (Алжир в документах Османской империи). *Osmanli arsivi daire baskanligi*. Ankara, 2010. P. 63.
- ⁸ *Ibid.* P. 67.
- ⁹ *Osmanli Belgelerinde Trablusgarb* (Триполи в османских документах). *Osmanli arsivi daire baskanligi*. İstanbul, 2013. P. 141.
- ¹⁰ *Ling D.* Tunisia from Protectorate to Republic. P. 13.
- ¹¹ *Blili L.* La Régence de Tunis, 1535–1666. P. 39.
- ¹² Донесение консула России в Тунисе К. Ниссена послу России при Османской Порте Н. П. Игнатьеву. Тунис, 27 ноября 1869 г. Фр. яз. // АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502а. 1869. Д. 158. Л. 11–12.
- ¹³ *Tunus'un Tarihî kaynaklari Bakimindan başbakanlik osmanli arşivi'nin önemi*. Ankara, 1997. P. 29.

- ¹⁴ Донесение консула королевства Нидерланды в Тунисе Г. Ниссена посланнику России при Османской Порте А. П. Бутеневу. Тунис, 16 июля 1836 г. Фр. яз. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (I). 1836. Д. 1538. Л. 2–3.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ Донесение консула Нидерландского королевства и генерального агента Австрии в Тунисе С. Ниссена посланнику России при Османской Порте А. И. Рибошьеру. 8 декабря 1830 г. Фр. яз. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1830. Д. 1536. Л. 16.
- ¹⁸ *İlter A. S. Şimâli Afrika'da Türkler*. P. 164.
- ¹⁹ *Osmanli Belgelerinde Trablusgarb*. P. 109.
- ²⁰ *Ibid*. P. 116.
- ²¹ *İlter A. S. Şimâli Afrika'da Türkler*. P. 198.
- ²² *Moala A. The Regency of Tunis and the Ottoman Porte, 1777–1814*. P. 94.
- ²³ *Rousseau A. Annales tunisiennes, ou aperçu historique de la Régence de Tunis*. Tunis, 1985. P. 87.
- ²⁴ *Ibid*. P. 91.
- ²⁵ Донесение консула королевства Нидерланды в Тунисе Г. Ниссена посланнику России при Османской Порте В. П. Титову. Тунис, 16 апреля 1845 г. Фр. яз. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1845. Д. 1541. Л. 12.
- ²⁶ *Osmanli Belgelerinde Trablusgarb*. P. 144.
- ²⁷ Донесение консула королевства Нидерланды в Тунисе Г. Ниссена посланнику России при Османской Порте В. П. Титову. Тунис, 1 августа 1847 г. Фр. яз. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1847. Д. 1546. Л. 12.
- ²⁸ *Rousseau A. Annales tunisiennes, ou aperçu historique de la Régence de Tunis*. P. 106.
- ²⁹ *Brown C. L. Tunisia of Ahmad Bey. 1837–1855*. Princeton, 1974. P. 305.

References

- Aksan, V. H. *Ottoman Wars, 1700–1870. An Empire Besieged*. New York, Routledge, 2014. 624 p.
- Bdira, M. *Relations internationales et sous-développement. La Tunisie 1857–1864*. Uppsala, University; Stockholm, Almqvist & Wiksell international (distr.), 1978. 194 p.
- Blili, L. *La Régence de Tunis, 1535–1666: Genèse d'une province Ottomane au Maghreb*. Cairo; New York, American University in Cairo Press, 2021. 264 p.
- Brown, C. L. *Tunisia of Ahmad Bey. 1837–1855*. Princeton, Princeton University Press, 1974. 409 p.
- Dulina, N. A. *Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (30–40-e godi 19 veka)* [The Ottoman Empire in International Relations (1830s–1840s)]. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1980. 196 p.
- Gürkan, E. S. The Centre and the Frontier: Ottoman Cooperation with the North African Corsairs in the Sixteenth Century. In *Turkish Historical Review*. 2010. No. 1, pp. 125–163.
- İlter, A. S. *Şimâli Afrika'da Türkler*. İstanbul, 1937.
- Karpat, K. *Studies on Ottoman Social and Political History*. Leiden, Brill, 2002. 860 p.
- Lafi, N. L'Empire ottoman en Afrique: perspectives d'histoire critique. *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*. 2015. No. 128, pp. 59–70.
- Ling, D. *Tunisia from Protectorate to Republic*. London, Indiana university press, 1967. 273 p.
- Moala, A. *The Regency of Tunis and the Ottoman Porte, 1777–1814*. New York, Routledge, 2005. 200 p.
- Frary, L. J., Kozelsky, M. (eds.). *Russian-Ottoman borderlands: the Eastern question reconsidered*. Madison, The University of Wisconsin Press, 2014. 363 p.
- Tanshina, N. P. Sredizemnomorskaya politika iyul'skoy monarkhii [The Mediterranean Policy of the July Monarchy]. In Russ.]. In *Frantsuzkii ezhegodnik*. 2017, pp. 162–187.
- Tarle, E. V. *Ocherki istorii kolonialnoi politiki zapadnoevropeyskikh gosudarstv (konets XV – nachalo XIX vekov)* [Essays on the History of Colonial Policy of Western European States (late 15th – early 19th Centuries)]. In Russ.]. Moscow, Leningrad, Nauka publ., 1965. 427 p.
- Zwierlein, C. *Imperial Unknowns. The French and British in the Mediterranean, 1650–1750*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 412 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. А. Жерлицына. Французско-османское соперничество в Магрибе с 1830 по 1848 г. по российским и турецким архивным материалам // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 119–130. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_119

Аннотация: Статья посвящена исследованию становления французской колониальной политики по отношению к странам Магриба, а также анализу политики Османской империи по защите своих североафриканских провинций от европейских посягновений. В работе рассматривается целостный период июльской монархии во Франции, т.е. интервал с 1830 по 1848 г., что позволяет сделать выводы о целях, задачах и методах колониальной экспансии французских властей в Магрибе. Анализ политики Османской империи по отношению к своим магрибинским провинциям в изучаемый период показывает, что Высокая Порта не была равнодушна к событиям на своих западных окраинах и играла гораздо более активную роль, чем это считалось в историографии до сих пор, в попытках сопротивления европейским державам. Новизна исследования заключается также в выявлении методов, которые использовала каждая из империй, пытаясь привлечь страны Магриба в свою орбиту влияния. Франция и Османская империя прибегали как к насильственным методам, так и к политике мягкой силы, а также к провокациям и запугиванию. В статье исследована не только политика великих держав, но и позиция объекта этой политики — властей провинции Тунис. Анализ документов свидетельствует о стремлении к независимости Хусейнидской династии Туниса, попытке достичь ее, играя на противоречиях между великими державами. Автор приходит к заключению о том, что период 1830–1848 гг. подготовил почву в Магрибе для французской экспансии в последующие десятилетия.

Ключевые слова: история колониализма, соперничество империй, Османская империя, Франция, Магриб, Тунис, Алжир, Триполи, централизация, колониальный захват.

FOR CITATION

N. A. Zherlitsina. French-Ottoman Rivalry in Maghreb from 1830 to 1848, Based on Russian and Turkish Archival Materials // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 119–130. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_119

Abstract: The article is devoted to the study of the formation of French colonial policy towards Maghreb countries, as well as the analysis of the Ottoman Empire's policy to protect its North African provinces from European encroachments. The work examines the entire period of the July Monarchy in France, that is, from 1830 to 1848, which allows us to draw conclusions about the goals, objectives and methods of colonial expansion of the French authorities in Maghreb. An analysis of the policy of the Ottoman Empire towards its Maghreb provinces during the period under study shows that the Sublime Porte was not indifferent to the events on its western outskirts and played a much more active role than has been previously believed in historiography in attempts to resist the European powers. The novelty of the study also lies in identifying the methods used by each of the empires in attempts to attract the Maghreb countries into their orbit of influence. France and the Ottoman Empire resorted to both violent methods and the policy of “soft power”, as well as provocations and intimidation. The article examines not only the policy of the great powers, but also the position of the object of this policy — the authorities of the province of Tunisia. The analysis of the documents shows the desire for independence of the Husseinid dynasty of Tunisia, an attempt to achieve it by playing on the contradictions between the great powers. The author comes to conclusion that the period 1830–1848 prepared the ground in Maghreb for French expansion in the following decades.

Key words: history of colonialism, rivalry of empires, Ottoman Empire, France, Maghreb, Tunisia, Algeria, Tripoli, centralization, colonial conquest.

Автор: Жерлицына, Наталья Александровна — д. и. н., доц., главный научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия).

Author: Zherlitsina, Natalia Aleksandrovna — Dr. of Sci. in History, Chief Researcher, Institute for African studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ns_inafr@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8647-9419